

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РОССИИ

ний — «Двенадцать» и «Скифы»; его блестящая публицистика, составившая объемистый (более 500 страниц) том, и, наконец, его работа как одного из крупнейших создателей и организаторов новой, советской культуры. Член правительственной комиссии по изданию классической литературы, член коллегии издательства «Всемирная литература», председатель управления Большого драматического театра, член коллегии литературного отдела Наркомпроса, председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов — всех должностей и общественных нагрузок Блока и не перечислишь. Но дело не только в том, что в каждую из них он вкладывал все себя — свой ум, талант, энергию. Дело в том, что его пример заражал других и он сыграл огромную и еще не до конца осознанную нами роль в вовлечении широких кругов интеллигенции в социалистическое строительство.

Работа Блока в послеоктябрьские годы была страстной борьбой за дело революции, против старого мира и врагов Советской власти. Духом этой борьбы проникнуто все созданное им в это пламенное время, и прежде всего поэма «Двенадцать». Мы знаем, что строки ее — «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» — появились сразу же на плакатах и транспарантах, их можно было увидеть на стенах домов и залов, где заседали Советы, на бронепоездах и броневиках. Еще при жизни Блока поэма была издана, кроме Петрограда, в Москве, Одессе, Тифлисе и даже в виде нелегальной листовки в Красноярске — в чоккавском тылу. Враги революции в полной мере осознавали опасное для них революционизирующее воздействие блоковских стихов. Колчак про-

зился повесить Блока и Горького, если возьмет Москву.

Чрезвычайно высокую оценку получила поэма Блока в партийной печати. В «Правде» она была названа «величайшим достижением его поэзии и в то же время русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева...» Блоку удалось, говорилось в посвященной ему статье, «в художественных образах вызвать душу народа, или, что то же, душу революции». Поэма неслась правду о революции и о русском народе за рубежи Советской России. Она была переведена и издана во Франции, Англии, Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Венгрии, Болгарии, Польше, Америке, Мексике, Китае, Японии. Она раскрыла не только перед советским, но и перед зарубежным читателем первую и блестящую страницу советской поэзии, советской литературы.

«Революционная Россия, — писала «Юманите», — обладает яркой плеядой поэтов и мыслителей, славу которых подтвердит будущее. Но среди них Александр Блок был самым крупным; его гений, сформировавшийся задолго до революции, был выявлен ею. Враг буржуазного строя, он в хаосе первых трех месяцев сумел угадать дух новой эры...»

Открыв свое сердце народу и революции, Блок не только продолжил лучшие традиции русской поэзии, но и явился одним из крупнейших зачинателей поэзии советской. Мы уже говорили о том, что Блок видел задачу русской культуры в преображении «стихийного безначалия» в «устроенную гармонию». В этом он видел и свою задачу. И если вся его поэзия являет собой борение художественной гармонии с дисгармоничностью

современного мира, то подлинным торжеством гармонии отмечены его стихи, в которых он, проникаясь духом самого гармоничного поэта мира, обретает ту «тайную свободу», которую воспел Пушкин, и мудрость пушкинского взгляда на жизнь, как бы устремленного на нее из будущего. Такой гармонией светлой печали отмечено его последнее стихотворение — «Пушкинскому Дому», в котором радость воспоминаний и предвидений сливается с горечью прощания.

С течением времени значение Блока для развития советской поэзии становится все яснее и ощутимее. Оно не сводится к влиянию на поэзию 20-х и 30-х годов, а доходит, все нарастая, до наших дней. Оно не ограничивается творчеством отдельных, близких Блоку поэтов, а касается всей советской поэзии в целом. Явившись одним из ее великих зачинателей, Блок задавал ей высочайший духовный, интеллектуальный и художественный уровень. Особый интерес для нашей поэзии представляет намечившееся в его творчестве стремление к синтезу пушкинского гармонического начала с лермонтовским борением страстей и драматическими контрастами, к синтезу, обогащенному опытом предшествующей и современной ему отечественной поэзии и поэзии мировой. Блок показал, что тихое слово поэта-трибуны. Он обогатил нашу поэзию новым лиризмом, в котором «я» поэта сливается с массой других «я», включаясь в мировой оркестр. Он научил различать за случайными чертами и драматическими коллизиями красоту подлинной жизни. Он усилил звучание поэтически

го слова и расширил его пределы, использовав богатейшие возможности, которые заключает в себе емкий и многогранный, отражающий живую реальность символ. Он открыл советскую поэзию чувством полета и устремленностью в будущее.

Всю жизнь Блок шел к народу, проникаясь его страданиями, гневом и мечтами. Теперь народ идет к Блоку. Далеко в прошлое отошло то время, когда он был любимцем узкого круга рафинированных интеллигентов. Теперь он стал одним из любимых поэтов всего нашего народа.

Блок живет в сознании миллионов читателей и своим решительным «Нет!» страшному миру стяжательства и лжи, бесчеловечности и одиночества, и своим утверждением красоты жизни как деяния, вечного боя за счастье человека и человечества. Пафосу нашего времени чрезвычайно близки пламенные слова Блока, сказанные в дни великого преобразования России: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна».

«Блоку — верте!» — призывал Горький еще в начале 20-х годов. Сейчас, в начале 80-х, наша вера в Блока неизмеримо выросла. Нас уже не могут смутить мотивы и настроения уныния и отчаяния, порою звучащие в его творчестве. За ними мы различаем высочайшие взлеты поэтической души, потрясенной и вдохновленной величием и драматизмом эпохи, взыскующей правду и обретающей ее в Народе и Революции. И мы готовы снова и снова повторять слова, которые Блок так хотел о себе услышать:

Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!